

*Никто нас в церкви не венчал,
А вся душа горит в огне.
Зачем, казак, ты в степь умчал
На вороном своём коне?*

Знамо дело – зачем?

Бежал быстрее лани от этой дикой красоты.

Спасти от неё нельзя, поддаться – значит пропасть.

Казачка – страшное дело, самая красивая женщина, ей надо сдаваться сразу, покуда она на тебя не взглянула.

Вот и умчал на вороном своём коне, чтобы не видеть этот пожар разгорающихся страстей.

Видел я эти глаза на хуторе Пролетарка в отрочестве, эти загорелые лодыжки, эти зубы, которыми она, улыбаясь, разгрызает пополам. А ещё при этом семечки лузгает. Вечера на хуторе – ни дать ни взять. Погибель полная и неотвратимая.

И ещё при этом незабываемое гэкание и тюканье: нэсэ Галю воду! Поляница!

*Ах, судьба моя, судьба, ах, судьба,
Ах, судьба моя, скажи, почему,
Ах, судьба моя, разлука-судьба,
Я ответ никак найти не могу?*

А Лев Толстой в «Казаках» нашёл, кажется, ответ на этот извечный вопрос: «А я только одного и желаю: ... желаю жениться на простой казачке и не смею этого потому, что это было бы верх счастья, которого я недостойн».

О, наивный Оленин, о, оленьи мозги! Разве можно жить со стихией, грозовой тучей, громом и молнией, которая тебя испепеляет?

Да ещё лузгает при этом семечки. А с неё всё, как с гуся вода!
Вот его избраница:

В то время, как он выходил, Марьяна, как была, в одной розовой рубаше, но уже до самых глаз повязанная белым платком, неожиданно шмыгнула мимо его из сеней. Быстро постукивая по сходцам босыми ногами, она сбежала с крыльца, приостановилась, порывисто оглянулась смеющимися глазами на молодого человека и скрылась за углом хаты.

Твёрдая, молодая походка, дикий взгляд блестящих глаз из-под белого платка и стройность сильного сложения красавицы ещё сильнее поразили теперь Оленина.

Да что там Оленин! Любой от этой раны не излечится до конца своих дней.

До революции, как известно, казачки гордились своим происхождением – «не боли болячка – я казачка». Они избегали браков с людьми не из своего сословия и с чужестранцами были неприветливы. Вот и Оленин, в конце концов, оказался не люб. А тот, что люб, Лукашка, ускакал на вороном своём коне, в край, из которого нет возврата.

Говорят, что казаки упорно берегли своё племенное лицо, как девица невинность. Самонравной казачке было чуждо чувство подражания в поведении, поступках и одежде. Она всегда подчёркнуто проявляла свою принадлежность к казачьему роду и в одежде, и в разговоре и гордилась этим.

Но всё переменялось после революции. Казаки начали активно скрещиваться с цыганами, хохлами, евреями, греками и всеми, кто под руку попадался. В результате получились гремучая смесь и страшная красота.

И вот уже жгучая красавица Аксинья из «Тихого Дона» мечется между мужем Степаном, Гришкой, а потом ещё и барином Евгением:

Падко бабье сердце на жалость, на ласку. Отягощённая отчаянием Аксинья, не помня себя, отдалась ему со всей бурной, давно забытой страстностью. А когда схлынула небывало опустошительная, помрачающая волна бесстыдного наслаждения, она очнулась, резко вскрикнула, теряя разум, выбежала полуголая, в одной рубаше, на крыльцо. Следом за ней, бросив дверь открытой, торопливо вышел Евгений.

Бесстыдная, опустошающая, умопомрачительная!

Ох, да что там гутарить!

Я застал этот пылающий пожар женской красоты уже затухающим, но и этого было достаточно, чтобы помереть только от взгляда на эту медузу-горгону, казачью прелесть. Спасти от этого взгляда ни у кого не получалось. И что делать? Тоже не ясно. Ведь когда ты люб казачке, она ни за что тебе не даст об этом знать. Да ещё и подтрунивать будет над твоим чувством, лузгая семечки и приговаривая своё знаменитое:

– Тю!

А про себя думает, змея подколодная:

*Зачем всех в мире лучше ты,
Как солнца свет, когда темно...*

Наглая, злая, красивая зараза! Такая, как Лушка из «Поднятой целины»:

Давыдов хотел было закрыть дверь в свою комнату, но увидел Лушку. Она сидела на лавке, по-мужски широко расставив ноги, туго обтянув юбкой круглые колени, покусывала подсолнечные семечки и безмятежно улыбалась.

– Семечек хочешь, председатель? – спросила она смеющимся низким голосом. Тонкие брови её слегка шевелились, глаза смотрели с открытой лукавинкой.

– Ты почему не на прополке?

– Сейчас пойду, видишь – одетая во всё будничное. Зашла сказать тебе... Приходи сегодня, как стемнеет, на выгон. Буду ждать тебя возле гумна Леоновых. Знаешь, где оно?

– Знаю...

И что делать? Как быть? А брать её силой и, если останешься при этом живой, увозить в город. Здесь весь этот суржик сглаживается. И будет эта Лушка или Аксинья обыкновенной городской дамой, скучной и предсказуемой. Но зачем и кому она нужна такая?

*Зачем взлетел ты на коня,
Умчал в лазоревый рассвет?
Ни у тебя, ни у меня,
Ни у судьбы ответа нет!*

Нет, лучше сразу сдаться, а там будь, что будет!

Ах, судьба моя, судьба...